

№ 190. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 11 ИЮЛЯ 1904 г.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 11 ИЮЛЯ 1904 г. № 190

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки на годъ 7 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 м. 1 р. 75 к. на 3 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 65 к.

Съ доставкой и пересылкою на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к. Отдѣльными №№ въ конторѣ редакціи и въ лавкахъ продажи по 5 к.

За доставку адреса иногородн. подписч. упла-
титъ 30 к., а городскіе, переходя въ иногор.,—50 к.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная плата загранику: в двѣ и в три про-
цѣнта безъ доставочныхъ цѣнъ. Подписка и
объявленія принимаются въ главной конторѣ
редакціи (Кремлевск., № 36), отъ 10 ч. утра до 8 ч.
веч., въ праздники отъ 12 до 3 ч. дня.

Адресъ тисн. газетъ: Пушкинская 4.

КРЕВСКІЕ ОТКЛЫКИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

УСЛОВІЯ ПЕЧАТАНІЯ ОБЪЯВЛЕНІЙ

За одну строку въ столбцѣ или въ мѣсто все-
рѣза текста за первый разъ 40 к., за каждый слѣ-
дующій разъ по 20 к.; поэма текста—за первый
разъ 20 к., за слѣд. разы по 10 к. При абсолютныхъ
объявленіяхъ дѣляется соотвѣствующая уступка.
Линд, нумера уррда, пользуются уступкою въ раз-
мѣрѣ 30%.

Рукописи должны быть за подписью подписч.
и адресомъ автора и подмѣнать, въ случаѣ не-
добности, измѣненій и сокращеній. Желая-
щіе получить обратно непечатанныя рукописи
должны приложить марки на пересылку. Мелкія
статьи, лѣтнія и стихотворенія не возвращаются.

Редакція для личныхъ объявленій открыта
ежедневно отъ 3 до 4 ч. дня.

Редакція и гл. контора помѣщ.: Кремд. 36. Тел. № 589

Контурь.

„Писатель-другъ“.

Ты грустно прожилъ жизнь. Больная
совѣсть вѣка
Тебя отмѣтила глашатаемъ своимъ.
Въ дни злобы ты любилъ людей и че-
ловѣка
И жаждалъ вѣровать, безвѣріемъ то-
мимъ.
Но слишкомъ былъ глубоко родникъ
твоей печали—
Ты изнемогъ душой, правдивѣйшій изъ
насъ,
И струны порвались, рыданья отзву-
чали...
Въ безвременье ты жилъ—безвременно
угасъ...
Н. Минскій.

Да, воистину онъ «любилъ людей и
человѣка»... Чеховъ, можетъ быть, един-
ственный писатель, у котораго, среди
огромной галлерей самыхъ разнообраз-
ныхъ типовъ, нѣтъ ни одного лица,
возбуждающаго отвращеніе... Нѣтъ ни
одного персонажа, которому писатель от-
казалъ бы въ снисхожденіи. Ни одно-
го... Къ характерамъ, ему не симпатич-
нымъ, онъ относился съ соболѣзнующей
жалостью. Вотъ—Лопахинъ, типичный
кузакъ, истый Колунаевъ, набившій
всяческими правдами и неправдами
мошну и, въ концѣ концовъ, „сломав-
шій“ очаровательный и поэтический
„вишневый садъ“. Студентъ Трофимовъ
его называетъ „хищнымъ звѣремъ“. Но
совершенно „обидѣть“ кроткое, беско-
нечно кроткое, сердце писателя не мо-
жетъ, и этотъ хищникъ мечтаетъ о томъ
времени, „когда прекратится эта не-
складная жизнь“, и кручинится по-
началью своихъ ближнихъ. Чеховъ пред-
почиталъ погрѣшнить противъ дѣйстви-
тельности, чѣмъ оскорбить природу че-
ловѣка. Вѣра его несомнѣнно заключа-
лась въ томъ, что сущность человѣче-
ской натуры отмѣчена чертами благо-
родства, возвышенности и красоты; толь-
ко условія, въ которыхъ живетъ совре-
менное человѣчество, поворачаютъ эту
духовно-богатую природу и низводятъ
царственнаго человѣка на степень крив-
ляющей обезьяны. Онъ вѣрилъ, что
человѣкъ, одинъ и тотъ-же человѣкъ,
можетъ быть и праведникомъ, и пре-
ступникомъ, въ зависимости отъ того,
какія струны его души будутъ затро-
нуты, какъ устроится его жизнь. Чело-
вѣкъ—это глина, которая можетъ пой-
ти и на храмоздательство, и на сози-
даніе тюремъ... Почившій писатель бла-
гоговѣнно чтить природу человѣка.
Отсюда становится понятнымъ, почему
Чеховъ съ такимъ неусыпнымъ вни-
маніемъ, съ такой кротостью и всепро-
щеніемъ, съ такой—можно прямо ска-
зать—любовью относился къ слабымъ,
выброшеннымъ за бортъ, побѣжденнымъ
жизнью и осмѣяннымъ людьми: вѣдь
эти тоже могли—нѣтъ, должны были—
получить свое мѣсто, имѣли право на
благополучіе... Каждый человѣкъ рож-
дается добрымъ, честнымъ и справедли-
вымъ. Если сердце его сдѣлалось хо-
лоднымъ, значитъ потушили его пламя;
если онъ изуродованъ, значитъ его дол-
го держали въ тискахъ злобы и нена-
висти. „Что вы со мной сдѣлали!—съ
ужасомъ восклицаетъ „дядя Ваня“ въ
сценѣ съ выстрѣломъ. Вы искалѣчили
меня... Изъ-за васъ я погибъ... Я да-

ровить... талантливъ... Изъ меня могъ
выйти Ницше... Достоевскій... Я не
знаю, что со мной... Я заврался“....
„Заврался“—это точно; но и правда то,
что Войницкій, этотъ самый „дядя Ва-
ня“, и даровитъ, и талантливъ; Досто-
евскимъ онъ бы не сдѣлался, конечно,
но онъ могъ бы интересно дѣлать ин-
тересное ему и полезное людямъ и стра-
нѣ дѣло. Въмѣсто этого, онъ отдалъ все-
го себя, безъ остатка, мелкому хозяй-
ничанью, въ угоду и на потребу без-
душному эгоисту. Чехову часто дѣлали
тяжелый упрекъ, что его творчество
содѣйствуетъ развитію въ обществѣ без-
волія и правдивости дряблости. Еще,
можно сказать, на дняхъ кн. С. Н.
Трубецкой въ „Научн. Словѣ“ недоумѣ-
валъ, каемъ образомъ могутъ пользо-
ваться успѣхомъ произведенія, въ ко-
торыхъ „только то и дѣлаютъ, что по-
ютъ“. Чеховъ зналъ и слышалъ эти
обвиненія, но, тѣмъ не менѣе, не отвра-
щалъ лица и сердца отъ плачущихъ и
скорбящихъ и не уходилъ „въ станъ
ликующихъ“... Онъ зналъ, что они сла-
бы, потому что—побѣждены, что они
одинокі, потому что—преданы и остав-
лены. Онъ считалъ ихъ жертвами, жер-
твами темныхъ силъ жизни... И „сла-
бые, безвольные, лишніе“ продол-
жали интересоваться его, и не отказы-
вались отъ имъ въ словѣ участія... Упре-
ки были для него вѣтромъ, треплю-
щимъ знамя: они заставили его развер-
нуться. Въ личной жизни подобнаго
рода указанія и обвиненія, очевидно,
дѣйствовали на мягкій характеръ пи-
сателя: вѣдь это былъ великій чело-
вѣкъ въ большомъ ребенкѣ. Въ біогра-
фической оргіи, которая происходитъ
теперь вокругъ его имени, троекратно
устанавливалось, что къ извѣстнымъ
вопросамъ онъ относился съ извѣстной
жесткостью. И, конечно, въ такомъ
любвеобильномъ, всепрощающемъ и не-
злобивомъ человѣкѣ такая черта мо-
жетъ быть только напускной. Это часто
бываетъ и съ простыми и просто-доб-
рыми людьми, и невозможно безъ уми-
ленія созерцать, какъ кроткій человѣкъ
„напускаетъ“ на себя „звѣрскую свирѣ-
лость“. Но въ творествѣ онъ былъ
глубоко независимъ и шелъ „дорогою
свободной“. Признавая фатально-неот-
вратимую подчиненность человѣка усло-
віямъ всякаго рода, онъ естественно
долженъ былъ скептически относиться
къ успѣху и къ горделивому самоми-
нію человѣка. „Какъ тутъ говорить о
гордости—замѣчаетъ студентъ Трофи-
мовъ („Вишневый садъ“), когда чело-
вѣкъ зависитъ отъ мелочей, слабъ, не-
вѣжественъ и, большей частью, глубо-
ко несчастенъ“. „Можетъ быть, вы
такъ жестоки потому, что не жили и
сами не были несчастны“—бросаетъ
гнѣвно Раневская студенту.—Персона-
жи сильные и самоувѣренные выстав-
лены у Чехова то въ смѣхотворномъ
освѣщеніи (педагогъ Кулигинъ изъ
„Трехъ сестеръ“), то въ образѣ людей,
явно не внушающихъ симпатій („Чело-
вѣкъ въ футлярѣ“, Боркинъ изъ „Ива-
нова“, профессоръ изъ „Дяди Вани“,
бреттеръ изъ „Трехъ сестеръ“, Триго-
ринъ и Аркадина въ „Чайкѣ“). До-
стойно замѣчанія, что такое же разгра-
ниченіе проводится писателемъ и въ
народной средѣ: Оекла изъ повѣсти
„Мужики“ и „невѣстка“ (не имѣю
подъ рукой сочиненій Чехова, а имени

не помню) изъ разсказа „Въ оврагѣ“ красивыя, сильныя и злыя обидчицы слабыхъ, кроткихъ и милыхъ сестеръ своихъ. Какъ будто писатель хотѣлъ сказать, что въ нашей жизни верхъ берутъ худшіе, какъ будто писатель хотѣлъ повторить афоризмъ: „способность болѣе или менѣе страдать является критеріемъ интеллигентности“... Для Чехова такая точка зрѣнія является вполне послѣдовательной: если человѣкъ „слабъ“ и „зависитъ отъ мелочей“, то повиненъ ли онъ въ своемъ успѣхѣ? Если человѣкъ не „причиненъ“ въ своемъ преуспѣяніи, то не является ли его гордость пустымъ и жалкимъ чванствомъ? Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, Чеховъ прямой духовный сынъ Тургенева, который также окружалъ поникшія головы своихъ безвольныхъ персонажей атмосферой ласки, участія и поддержки, а къ „сильнымъ людямъ“ высказывалъ нѣкоторую отчужденность, неизмѣнно изображая ихъ ограниченными и суховатыми (знаменитый отзывъ Шубина объ Инсаровѣ: «талантовъ нема... сушь... сушь, а всѣхъ насъ въ порошокъ сотретъ»; у Базарова кругозоръ настолько ограниченъ, что онъ не признавалъ искусства, а науку понималъ только въ смыслѣ „наукъ“, т. е. профессій; бретеръ Лучковъ и великолѣпный Лутвиновъ изъ „Трехъ портретовъ“ ограничены до жестокости). Можетъ быть, такой взглядъ представляетъ правдивый результатъ „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“; можетъ быть, экономная природа, отпуская человѣку излишекъ силы въ одномъ, ограничиваетъ его въ другомъ. «Природа—гласить нѣмецкая пословица—заботится, чтобы деревья не росли до неба“...

Во всякомъ случаѣ, сердцу Чехова былъ ближе тотъ слабый и побѣжденный, чѣмъ сильный побѣдитель. Добродѣтель имѣетъ не только вершины и пропасти, но также и плоскости. Эти „плоскости“ были непріятнѣе всего широкому, свободному уму писателя. Ихъ педантизмъ, безжалостная жестокость и суровая требовательность рѣзали непріятнымъ, болезненнымъ звукомъ хрустальное сердце. «Кричитъ на каждомъ шагу, какъ попугай, и думаетъ, что втою Добролюбовъ—характеризуется въ „Ивановѣ“ такая «добродѣтельная плоскость», докторъ Львовъ. Вчера подходит ко мнѣ и заявляетъ: „графъ, вы мнѣ глубоко несимпатичны“... Ну, хорошо... Я самъ знаю, что палъ... что отвратителенъ... Но зачѣмъ напоминать мнѣ объ этомъ? Кто далъ на это право?.. Нѣтъ, мы сами были молодые, кипятились и обличали... Но никогда мы не становились погой на упавшаго и въ комнатѣ повѣшеннаго не говорили о веревкѣ. Мы были воспитаны. *Жестокая безчеловѣчная честность*». Но вмѣстѣ съ тѣмъ Чеховъ не могъ не видѣть, что эти, болѣе близкія и болѣе симпатичныя ему психическія организациі совершенно не приспособлены къ нашей современной жизни, къ этой свалкѣ за лучшія мѣста и лучшіе куски. Одинъ изъ (такихъ персонажей (Соринъ въ „Чайкѣ“) называетъ себя «человѣкомъ, который желалъ». Такая характеристика можетъ быть примѣнена не только къ этому лицу, но вообще къ этому типу. Взирая на слезы и внимая горю

слабыхъ, но хорошихъ людей, писатель страстно и мучительно искалъ помощи для нихъ. Въ этомъ отношеніи, въ смыслѣ исканія идеала, творчество Чехова знаетъ три періода: настроеніе «сумерокъ» и «хмурыхъ людей», когда писатель ничего, кромѣ мрака не видѣлъ, настроеніе, завершившееся разсказомъ «Огни», съ характерной заключительной фразой: „Ничего не разберешь на этомъ свѣтѣ“; потомъ—„Скучная исторія“ (хоть этотъ разсказъ и вошелъ, кажется, въ сборникъ „Хмурые люди“), когда писатель понялъ и созналъ, что у большинства „нѣтъ того, что называется общей идеей или Божьимъ живого человѣка“ и, затѣмъ, послѣдняя полоса, полоса синтеза, когда писатель нашелъ спасеніе и смыслъ жизни въ трудѣ. Трудъ даетъ душевный миръ, миръ поведетъ къ братству. И писателю ясно рисуются картины свѣтлосарнаго будущаго, будущаго прекраснаго—потому, что въ человѣкѣ имѣются великія залежи...

Да, Чеховъ любилъ „людей и человѣка“... Но, впрочемъ, и всю природу и все въ природѣ также. У Гюго въ „Отверженныхъ“ епископъ Бьенвеню вывихнулъ себѣ ногу, чтобы не наступить на комара. Такой соболѣзнующей и живой любовью къ природѣ было сплосъ проникнуто творчество Чехова. Подлинно: „влялъ онъ неба содроганье, и вышнихъ ангеловъ полеть: и гадъ морскихъ подводный ходъ, и дольней лозы прозябанье“. Въ его описаніяхъ природа была одухотворена, и все проникалось жизнью, осмысленной, цѣлесообразной и милой. Вспомните разсказъ „Каштанка“, въ которомъ такъ трогательно и правдоподобно разсказана вся „духовная жизнь“ собачки. Въ другомъ мѣстѣ живописуется песикъ, всѣмъ своимъ видомъ заявлявшій: „да, я очень нервная собака и прошу васъ не трогайте меня“. Въ томъ же разсказѣ гусь, по прозванью „Иванъ Ивановичъ“, имѣлъ обыкновеніе говорить долго и горячо, но крайне непонятно“. На гуся наступила лошадь въ конюшнѣ цирка, и добряку пришелъ конецъ. Эти строки трудно читать безъ волненія. „Ай, ай, ай,—вскричалъ хозяинъ (кловунъ, которому принадлежалъ гусь) и схватился за голову. Пропалъ Иванъ Ивановичъ... Пропалъ... Что мы теперь станемъ дѣлать: смерть вошла въ наше жилище... Не будемъ мы больше гулять по зеленой лужайкѣ. Иванъ Ивановичъ, пей воду, милый, голубчикъ, пей“... Иванъ Ивановичъ хотѣлъ, было, по своему обыкновенію, горячо заговорить, но не могъ и только грустными глазами смотрѣлъ въ землю“ (цитирую приблизительно, ибо наизусть). Въ разсказѣ „Степь“ живетъ каждый кустикъ, каждая былинка и даже бубенчики на лошадяхъ „перекликаются“ и „разговариваютъ“.

„Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,

„Ручья разумѣлъ лепетанье

„И говоръ древесныхъ листовъ понималъ

„И чувствовалъ травъ прозябанье.

„Была ему звѣздная книга ясна

„И съ нимъ говорила морская волна“.

«И съ нимъ говорила морская волна»... Вспомните, какъ описана морская бухта въ разсказѣ, въ этомъ замѣча-

тельномъ, „мировомъ“ разсказѣ „Черный монахъ“. И эта смерть чахоточнаго, который воспоминаетъ свою молодость, свои надежды, первую любовь и старый садъ... Боже мой, не такъ-ли угасалъ онъ, нашъ любимый, нашъ „другъ—писатель“...

Помнится, по поводу этого самаго разсказа „Стень“, нѣкій либеральный критикъ (кажется, г. Протопоповъ) замѣтилъ, что все это произведение можетъ быть разсказано въ нѣсколькихъ строкахъ:

„Эхъ ты степь моя,
„Стень раздольная,—
„Далеко ты, степь,
„Пораскинулась,
„Къ морю черному
„Понадвинулась“.

Критическій приемъ, который не выдерживаетъ критики. Въ такомъ случаѣ—беру первый примѣръ—«Отелло» можно замѣнить тоже двумя строчками: „любилъ, молъ, черный генералъ, но, воспылавъ ревностью, уколошилъ жену“. Въ сферѣ искусства вопросъ: «какъ?» имѣетъ значеніе не меньшее, чѣмъ вопросъ „что?“ Когда вы читаете этотъ разсказъ „Стень“, вы чувствуете даже запахъ той конопки, о которой говоритъ авторъ. Въ одной изъ мѣстныхъ газетъ сообщалось, что Чеховъ очень любилъ дѣтей. Но развѣ не ясно, что, кто такъ пишетъ о дѣтяхъ, не можетъ ихъ не любить. Надо было самому имѣть дѣтски-чистую душу, чтобы такъ близко подойти къ непосредственной психологіи дѣт-воры. Вспомните эти трогательныя новеллы, посвященныя маленькимъ людямъ,—очеркъ „Дома“, въ которомъ товарищъ прокурора бьется, чтобы доказать своему Сережѣ вредъ отъ куренья, или тотъ эскизъ, въ которомъ изображено, какъ дѣти, оставленные взрослыми, „предаются“ игрѣ въ карты, или разсказъ „Зипочка“, гдѣ выставленъ коварный мальчуганъ, узрѣвшій, какъ его старшій братъ цѣловался съ гувернанткой, и преслѣдующій влюбленныхъ насмѣшливой фразой: „гы... гы... а я что-то знаю“... Двое глубоко несчастныхъ—безымянный герой „Записокъ неизвѣстнаго человѣка“ и лицо, отъ котораго ведется разсказъ „Моя жизнь“, находятъ своимъ великимъ и непосильнымъ скорбямъ утѣшеніе въ дѣтяхъ...

Но и все въ мірѣ онъ любилъ такой же кроткой, благожелательной и ясной любовью. Послѣ Спинозы, кажется, не было пантеиста, столь убѣжденнаго и столь послѣдовательнаго. И когда онъ брался за перо,—

„Живыми дѣлались тогда
И старый дубъ, и въ небѣ тучи,
И на холмѣ песокъ сыпучій,
И въ лужѣ зыбкая вода“.

И все великій художникъ писалъ съ одинаковымъ мастерствомъ. Говоришь объ одномъ произведеніи и вспоминаешь другое, и не знаешь, которое лучше. Тутъ вырисовывается вопросъ о размѣрахъ таланта почившаго писателя. Не станемъ его касаться, за совершенной его ясностью. Только одинъ гр. Толстой такъ свободно (по отнюдь не такъ-же легко) проходитъ изъ дворца въ хижину, такъ пропикновенно разбирается въ психологіи самыхъ противоположныхъ духовныхъ организацій. Чтобы исчерпать Чехова, необходимо цѣлое изслѣдованіе: «какая смѣсь одеждъ и лицъ»... Чеховъ—великій, мировой пи-

сатель—это ясно. Но значеніе его про-видится въ другомъ. Однажды—гласитъ еврейская легенда рабби Іохананъ, сынъ Заккаія, сказалъ своимъ пятидесяти ученикамъ: «люди, поразмыслите, какой путь въ жизни является наилучшимъ?». И ученики отвѣтили. Рабби Эліезеръ (сынъ Гиркана) сказалъ: «доброжелательство»; рабби Іошуа—«доброе товарищество»; рабби Іосей—«доброе соседство»; рабби Симеонъ—«предусмотрительность»; рабби Эліезаръ (сынъ Арахъ)—«доброе сердце». И учитель сказалъ: „предпочитаю слова Эліезара, сына Арахъ, ибо въ этомъ отвѣтѣ заключаются отвѣты всѣхъ другихъ“. Этимъ „путемъ“, путемъ «доброго сердца» неизмѣнно шелъ почившій писатель. Когда вы читали его строки, вы чувствовали бѣшеніе этого доброго сердца, вы чувствовали, что вотъ этотъ человѣкъ все пойметъ, все проститъ и никому не откажетъ въ участіи. Читатель тоже ищетъ «друга» среди тѣхъ, которые стоятъ, какъ городъ на горѣ, и должны указывать путь заблудшимъ, ищущимъ дороги. «Сердце сердцу вѣсть дастъ», и Чехову платили за его любовь великую, и, можетъ быть, есть у насъ писатель болѣе значительный, но нѣтъ болѣе любимаго...

У моднаго американскаго художника имѣется такая картина: къ престолу, на которомъ лежитъ „Книга живота“, изъ бездны простираются съ мольбой отчаянныя руки—лицъ нѣтъ, одиѣ руки—руки обиженныхъ, оскорбленныхъ, и руки преступниковъ, и руки лицемеровъ, всю свою жизнь лгавшихъ, и руки праведниковъ, оставившихъ свѣтлый слѣдъ на землѣ... Въ подобномъ символѣ можно-бы изобразить «мизу» Чехова: внизу огромная толпа народа—здѣсь и слабый, безвольный Ивановъ, злополучный Войницкій—«дядя Ваня», въ безграничной кротости своей доведенный, однако, до покушенія на убійство, и кроткая, всепрощающая Соня, и неудачникъ, одинокій и оставленный, Треплевъ и Нина Зарѣчная, брошенная и оскорбленная человѣкомъ, „который отъ печего дѣлать пришелъ и убилъ чайку“, и много, много еще тѣхъ, „которые желали“ и были обдѣлены въ жизни, и не получили ни искорки теплоты, ни знака участія; и здѣсь-же, въ этой толпѣ, грубая, эгоистичная Аркадина, ограниченный себялюбецъ профессоръ Серебряковъ, злой бреттеръ, убившій бѣднаго барона, мечтавшаго только о трудѣ и о любимой женщинѣ, «хищный звѣрь» Лопахинъ и много другого народа, толстокожаго, жестокаго, пропитаннаго пошлостью и предавшагося „мелочамъ жизни“... И надъ всей этой, разношерстной и разнокалиберной толпой вознеслись къ престолу, на которомъ лежитъ страшная Книга, руки писателя, блѣдныя и тонкія, какъ руки женщины, страдальчески сложенные въ ласку къ этимъ внизу стоящимъ страдальцамъ, и искореканнымъ, измученнымъ жизнью, и простертыя съ мольбой за нихъ...

„На свѣтѣ есть только двѣ вещи, достойныя преклоненія: геніальность и доброта сердечная“—замѣтилъ Гюго. Чеховъ былъ геніаленъ, Чеховъ былъ добръ—преклонитесь передъ нимъ.

М. Волошинъ.